

Жулинский, Иван Вакулович

Украина, Ровенская область

Май 2005 г.

Немецкий плен. Фарфоровая фабрика, Нойхаус. Копали траншеи под бараки, кормили [нас] вареной репой с солью. И так истощили [нас], что остались кости да шкура, и вот из 60 пленных осталось только 30 в живых. Этих оставшихся перевезли в Зонеберг, на фабрику «Генрих Коп». Там [я] работал по 12 часов у пресса, с онемевшими ногами и голодный. Эти издевательства вынудили совершить побег.

В ночную смену мы двое исчезли с фабрики. Ночью переплыли поток. Светало, [мы] залегли в картошке и так лежали целый день.

Настал сумрак ночи – в дорогу. Утром мы увидели яблоньку с обильными плодами на ней и на земле, очень вкусные были плоды. Мы были рады. Набрали с собой и снова в дорогу. Леса, леса. Идешь и думаешь: почему я тут? Кому что должен? Разве что на груди и плечах клеймо «SU» и цена души 100 марок?

Светало, мы стояли за лесом и смотрели вдаль.

Гасла утренняя звезда над полями, Ночь торжественно опускалася вниз. Мы смотрели в далеку дорогу, В голубую небесную высь.

Мы смотрели на голубое небо, на леса, на природу, от которой невозможно оторвать глаз. И хотелось жить и жить. И снова в дорогу, а в душу постучала тревога. Мы прошли немного. Крестьянин ехал на волах, увидел нас, бросил волов и за нами. Волы пошли [дальше], и он вернулся к волам. Мы ускорили шаги, чтобы добраться до леса. И вдруг – глубокий ров, в нем женщины и два солдата сгребали сено. При нашем появлении они встrepенулись: мы смотрели на них, а они на нас. Мы рванули в лес. Но солдаты нас догнали. Через некоторое время приехал полицейский на мотоцикле. Вытащил цепи, замки. Руки нам закрутил назад, связал цепями и запер замками. И приказал идти вперед, а сам [ехал] на мотоцикле сзади с наганом в правой руке. Мы идем медленно, утомленные, замученные. Идем и смотрим в небо.

Якби мені крила,

Піднявся б я в небо,

За синії хмари.

Немає там власти, немає там кари.

Через некоторое время появились двое конвойных. И нас – на поезд и повезли на ту же самую фабрику, чтобы показать пленным, что [нас] словили. На руках от цепей остались раны и засохшая кровь.

Бросили нас в подвал, где стояли нары и четыре дощечки на них. Мы могли только сидеть и сидя спать, и ноги немели и так хотелось, чтобы ночь сменилась днем, чтоб вдохнуть свежий воздух и солнце своей теплотой коснулось души.

Днем – издевательства, допрос, отпечатки пальцев. И хотелось, чтобы пришла ночь, чтоб отдохнуть от этих пыток. Трое суток казались годами.

[Хотелось,] чтоб Бог не подавал сил, чтоб мы не остались в живых. Хотя мы Бога мало знали, потому что жили в Империи зла. Моего отца раскулачили, все разворовали. Мне нигде ходу не давали – сын кулака!

Дальше нас на работу водили отдельно, двое конвойных с нами. Мы копали траншею от фабрики до кухни, где две немки варили пленным еду. Они узнали нас и позвали конвоиров на кухню, а одна из них насобирала в свой фартучек вареной картошки и сыпнула нам. Как мы были рады! Съели с шелухой. Мы очень благодарили этих женщин за то, что они подкрепили нас.

Я перестаю писать. На глазах слезы.

Из Украины [я]. Для меня и жены наступили тяжелые дни и годы, когда нет радости. Жена после двух операций, а я плохо слышу и вижу, живем вдвоем в хате.

Годы мои улетели
Вместе с журавлями.
После себя оставили
Лишь горькие пятна,
Пятна страданий.

А родился я – Черкасская область, село Водное, 1921 года рождения. Там, где был голодомор в 33-м году и смерть косила людей.

С уважением к Вам,

Жулинский Иван Вакулович.